

В. И. Гольданский

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ПРОШЛОГО*

С годами все лучше и лучше понимаешь, как обидно коротка была жизнь Владимира Иосифовича Векслера, каким молодым он в сущности оставался вплоть до своих последних дней.

Ему было всего 44, когда я впервые увидел его зимой 1951 г. на «Питомнике», куда приехал с просьбой пустить нас на 265-МэВ синхротрон для измерения выходов фотонейтронов из различных толстых мишеней.

Немного не доезжая до цели, машина увязла в грязи, так что последние десятки метров пришлось добираться пешком. В результате я вошел в кабинет босиком и был крайне смущен этим. Но В. И. от души посмеялся над происшествием и первым делом повел меня к раковине отмывать ботинки и носки. После этого деловой разговор пошел очень легко и просто. В. И. быстро схватил сущность задачи, расспросил о результатах наших опытов на синхроциклотроне в Дубне, вызвал нескольких своих сотрудников, которым поручил опекать нашу группу, и явно был мгновенно охвачен духом соревнования, стремлением показать преимущества своего детища перед любыми другими ускорителями и в этой частной задаче. Опыты наши прошли лучше, чем мы надеялись, и притом в очень короткие сроки, в большой степени благодаря В. И.

Всего через год судьба сложилась так, что я временно распрощался с Институтом химической физики и на 9 лет перешел работать в ФИАН в лабораторию В. И. Векслера, именовавшуюся в ту пору эталонной лабораторией.

Особенно частыми встречи с В. И. и обсуждения с ним разных научных и организационных вопросов были первые пять лет моей фиановской жизни, до того как В. И. почти полностью сосредоточился на работе в Дубне.

Больше всего меня поражали, более того, восхищали в В. И. его исключительная работоспособность, сочетание редкостного таланта с одержимостью исследователя. Для него были характерны довольно редкое сейчас качество неутомимого любопытства в науке, стремление лично увидеть, а то и придиричливо ощупать детали экспериментальной

*Воспоминания о В. И. Векслере. М., 1987. С. 184–186.

установки, лично докопаться до сути теоретической работы, проверить ее «на прочность». Доклады на семинарах с его участием, разговоры о текущей работе бывали делом очень интересным и вместе с тем очень нелегким, нередко переходившим в жаркие споры.

При этом проявлялось и то качество В. И. («из песни слова не выкинешь»), к которому мне труднее всего оказалось привыкнуть. Ему была чужда беспристрастность, он не скупился на всяческую похвалу тех идей, тех работ, которые вышли из его института, его лаборатории, его школы, не очень при этом заботясь об адекватной оценке качества и значения других исследований. Во всевозможных дискуссиях для «своей» стороны существовала, выражаясь юридическим языком, своеобразная «презумпция правоты», а для «чужой» стороны — «презумпция ошибки». Будучи выходцем из другого института, другой школы, я остро ощущал это обстоятельство. Тем дороже стали впоследствии интерес и внимание, проявленные В. И. к работам нашей группы. Шли весна и лето 1956 г., памятные и по первым после долгого перерыва международным встречам. Мы целыми днями возились с пенопластовыми мишенями для жидкого водорода, готовя опыты по комптон-эффекту на протоне и по фоторождению π^0 -мезонов. Это были первые работы с жидким водородом на «Питомнике», В. И. очень радовался тому, что они наконец пошли, и хотел, как водится, убедиться в этом собственными глазами и руками. Он приезжал в самое неурочное время и теплел, видя, что вся группа на месте, подолгу следил за заполнением мишени водородом и установкой ее на пучок. А когда на Московскую конференцию по физике высоких энергий приехал Вайскопф и рассказал В. И., что у них Фриш тоже занят комптон-эффектом на протоне, В. И. организовал нашу встречу втроем, подробно выспрашивал, что делается в Кембридже, и тут я ясно почувствовал, что В. И. выступает как наш болельщик. В августе вся наша группа разъехалась в отпуск измотанная, но довольная — перед отъездом я показал сотрудникам записку В. И. Игорю Евгеньевичу Тамму, в которой он просил его представить две наших статьи в «Доклады АН» и ручался за их качество.

Празднование 50-летия В. И. в марте 1957 г. стало в какой-то мере его прощанием с ФИАНом — он почти целиком сосредоточился на своих делах в Дубне. А наше житье на «Питомнике» стало гораздо более спокойным, но и гораздо менее интересным.

Прошло еще шесть лет, и В. И. возглавил новое Отделение ядерной физики АН СССР. Теперь «своей» для В. И. стала вся наша ядерная физика, и он был готов, как пылкий миссионер, насаждать ядерную веру среди «язычников» вроде химиков и биологов. К тому времени я

уже несколько лет как вернулся в Институт химической физики, где организовал лабораторию ядерной и радиационной химии. Теперь я оказался как бы ядерным полпредом среди химиков, и весной 1965 г. В. И. предложил мне помочь ему подготовить совместную двухдневную научную сессию двух отделений — ядерной физики и общей и технической химии, посвященную применению ядерных методов в химии. Вскоре после того он пожелал съездить в Черноголовку — нужно было выбрать место для будущей мезонной фабрики, а там к тому времени уже завершилось строительство многих корпусов ИХФ.

Трехчасовой путь в машине в оба конца прошел незаметно — В. И. вспоминал о старом ФИАНе, о поездках на Памир, делился планами строительства новых больших установок по физике высоких энергий. Он осмотрел обе стройплощадки, а после обеда побывал в нескольких лабораториях ИХФ. В Москву мы вернулись уже вечером. В. И. остался доволен поездкой, но решил, что мезонную фабрику лучше строить ближе к Москве, причем к юго-западу. Выбор пал, как известно, на Пахру.

Очень перспективным направлением исследований В. И. считал мёссбауэровскую спектроскопию. Сейчас у нас в стране многие институты работают в этой области, и хотелось бы, чтобы все знали о той важнейшей роли, которую в свое время сыграл В. И. в ее становлении. Он поручил мне подготовить доклад о мёссбауэровской спектроскопии и договорился с М. В. Келдышем о постановке его на президиуме АН СССР, совместно с М. Д. Миллиончиковым подготовил проект, куда был включен ряд важных и неотложных мер, и собирался сам выступить на обсуждении. Заседание президиума прошло на редкость удачно и завершилось тем, что М. В. Келдыш не только поддержал все подготовленные В. И. предложения, но и вынес доклад повторно на еще более широкую аудиторию — на годовое общее собрание АН СССР 8 февраля 1966 г.

Увы, В. И. не присутствовал ни на заседании президиума, ни на общем собрании Академии — в то время он лежал в больнице в Ленинграде после инфаркта. В письмах к нему я подробно описывал, как было дело, сердечно благодарил за помощь, за вывод мёссбауэровской спектроскопии «на орбиту», желал ему скорейшего выздоровления.

Но больше мне не суждено было его увидеть.